

**О толковании фрагмента из «Слова о полку Игореве»
«галици свою рѣчь говоряхуть»
(в связи со статьей А.А. Зализняка и В.Л. Янина
«Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2008 г.»¹)**

*Истина существует, и целью науки
является ее поиск*

А.А. Зализняк

Если сегодня, в конце первого десятилетия, говорить о неких качественных отличиях Слововедения нового столетия от минувшего, то, вероятно, имеет смысл обратиться к следующим позициям.

Еще в середине XX в. Р. Пиккио прозорливо определил господствующую ситуацию так: «В день, когда можно будет написать о «Слове» краткую главу в терминах определенности, а не гипотез, общая история древнерусской литературы приобретет другие очертания»². Ученый указал тем самым как на созревшую, ближайшую и актуальную задачу необходимость суммирования, обобщения и объективного научного синтезирования уже выполненных серьезных разработок, результатов наблюдений.

Эти положения, получив распространение на Родине «Слова» в политических условиях конца XX века, были поддержаны энергией таких базовых изданий, как «Словарь-справочник "Слова о полку Игореве"»³, «Энциклопедия "Слова о полку Игореве"»⁴. Результатом взаимодействия стало появление в начале XXI века специального и в значительной степени итогового исследования по «основному вопросу» этой уже почти самостоятельной научной дисциплины – об аутентичности произведения.

Труд А.А. Зализняка «"Слово о полку Игореве": Взгляд лингвиста»⁵ по достоинству был оценен Государственной премией России (2007 год). Актуальность центральной проблемы (при ее, казалось бы, извечной неразрешенности), многоаспектные аргументированные заключения о языке повествования в поле действия лингвистических закономерностей средневековья, беспристрастная строгость, обоснованность выводов, любопытные прогнозы, предвидения перспектив изучения памятника и особая, подкупающая изящность изложения – вот далеко неполный перечень самых впечатляющих достоинств книги. Но к числу едва ли не важнейших надо отнести то, что уже сегодня, по прошествии всего только четырех лет после ее выхода, наука (также благодаря усилиям А.А. Зализняка) обогатилась древней реалией, которая вполне вписывается в логические построения данного исследования.

¹ Вопросы языкознания. 2009. № 4. С. 3-12.

² Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002. С. 94.

³ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л. Виноградова. Вып. 1–6. М.; Л., 1965–1984.

⁴ Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т. 1–5. СПб, 1995.

⁵ Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004; 2-е изд., доп. М., 2007. Далее цитирую по первому изданию с указанием номера страницы.

Так, в § 26 «СПИ (Слово о полку Игореве – Л.З.) и берестяные грамоты» читаем: «...берестяные грамоты яснее любых других свидетельств показали, что наши сведения о лексическом составе древнерусского языка (извлеченные из традиционных памятников) никоим образом не могут претендовать на полноту. Берестяные грамоты отличаются по жанру и по содержанию от классических памятников – и мы тут же сталкиваемся с неизвестной ранее лексикой. Точно так же СПИ, которое резко отличается по жанру и стилю почти от всех известных древнерусских памятников, не может не содержать новых лексических единиц» (с. 121). Разумеется, не ставя знака жанрового равенства, а лишь подчеркивая аналогию феномена в отношении к известному нам фону, автор далее развивает свою мысль о записях живого общения наших пращуров: «...в них постоянно обнаруживаются древнерусские слова, которые не встречались ранее никогда, а также слова, которые были известны только из памятников на 300–400 лет более поздних, чем берестяные грамоты» (с. 120–121). Безусловно справедливо и сопряженное с предыдущими положение: «Берестяные грамоты с их ежегодным пополнением – это для историков русского языка совершенно уникальный экспериментальный «полигон», где все время появляются новые данные, позволяющие поставить плюс или минус той или иной гипотезе, выдвинутой ранее» (с. 120). В связи с этим резко возрастает значение истолкования этих новых данных, постижения реальных связей и зависимостей между речениями грамот и «Словом». Причем для последнего – с учетом его эстетической природы: многозначностью, образной многоуровневостью изъяснения, взаимосвязями характеристик, повторяемостью и т.д.

Так, в разделе «К чтению нескольких мест из "Слова о полку Игореве"» (§ 2, § 3–5) степень вероятности авторских выводов, безусловно, возросла, если бы завершающим этапом верификации стало их своеобразное «испытание на прочность». То есть, кроме лингво-семантической предполагаемой достоверности, проследить еще и образное органичное функционирование предложенного прочтения в художественном единстве произведения.

Данный подход предлагаем применить по отношению к важным фактам новейших открытий, представленным научной общественности в статье А.А. Зализняка и В.Л. Янина «Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2008 г.».⁶ Здесь уведомление читателей о предварительном характере публикации материала (с. 3), сочетается с содержательностью обстоятельных комментариев ко всем 12-ти древним письмам, что не может не вызвать вполне понятной гордости достигнутым и желания посылить содействовать поиску истины.

Обратимся к позиции № 968 Кремлевского раскопа.

Вполне доверяясь интуиции высокоавторитетных ученых, принимаем чтение «(оби)доу говори» «по прямой аналогии с грамотой №725... *съка(ж)ита*

⁶ Вопросы языкознания. 2009. № 4. Далее цитирую с указанием номера страницы.

владычѣ мою обиду» (с. 10). Конечно же, разделяем их мнение о счастливой находке, которая «оказалась ценным подарком для историков языка, ...самым ранним в истории русского языка документом, где *говорити* означает 'говорить'» (с. 10).

В результате хронологическая граница формирования нового значения предполагается между XIII и XIV веком (с. 11), корректируя преждеизвестное. В словаре Срезневского ни один из приведенных подобных примеров не старше конца XIV века, а самая ранняя берестяная грамота (№ 530), являющая аналогичный вариант, датируется 1370-ми – 1380-ми гг. (с. 10).

В публикации также справедливо фиксируется: «Древнейшие примеры глагола *говорити* обнаруживают другое значение: 'гомонить, галдеть, шуметь, роптать' – всегда о многих, о толпе. И то же со словом *говоръ*: оно означало 'шум, гомон, ропот' (издаваемый сразу многими, необязательно людьми)» (с. 10). «Эволюция значения у слова *говорить* – от 'шуметь, гомонить' (о толпе) к 'dicere', полагают ученые, – совершенно типовая. Глагол со значением 'dicere' может происходить из разных семантических источников, но этот – один из наиболее популярных. В славянской зоне можно указать не менее семи таких случаев. Старейший из них – *мълвити*. В старославянском *млъва* – 'ропот толпы, мятеж'. Затем (и довольно рано) наступает такое развитие значения, при котором в древнерусском языке это уже нормальный глагол для 'dicere'. Остальные примеры диалектные, но их много» (с. 10). Далее в подтверждение авторы приводят информацию «Словаря русских народных говоров», где глаголы *гомони́ть*, *галде́ть*, *гаме́ть*, *шуме́ть/шумну́ть* имеют и значение 'говорить что-то кому-нибудь', а также, что особенно важно, новейший пример из современной речевой практики, когда глагол «базарить» означает и 'хаотичный шум толпы' и 'говорить' без дополнительных уточнений (с. 10).

Таким образом, мы наблюдаем положение, позволяющее утверждать, что в языке могут одновременно сосуществовать и взаимно переплетаться, дополняя одно другим, оба значения глагола звучания: и 'шуметь, гомонить', и 'говорить' от 'dicere'. С подобными вариантами мы встречаемся нередко: в популярной песне «поговори со мною, мама...», в речении «радио заговорило», а также (от мълвити) в стилизованных стихотворениях А.С. Пушкина.

«Что не конский топ, не людская молвь...

А погодушка свищет, гудит,

Свищет, гудит, заливается.

Зазывает меня...»

(«Песни о Стеньке Разине»)

Типологически схожее в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях»:

«... молва трезвонить стала:

"Дочка царская пропала!"»

Здесь «молва» и «трезвонит» ('гомонит, галдит, шумит') и одновременно в рациональном плане информирует ('сообщает' как глагол 'dicere') – то есть

сочетает обе стороны действия.

Возможность аналогичной ситуации, как нам кажется, вполне допустима и для фрагмента «Слова о полку Игореве» «галици свою рѣчь говоряхуть»⁷.

Однако, по мнению авторов, то, что наблюдается в современном языке и древней грамоте (благодаря которой они указали на конкретный факт подвижности и ранее неизвестную «хронологическую границу между старым и новым значением слова «говорити» (с. 11), то – никак не распространяется на «Слово».

Они комментируют фрагмент «галици свою рѣчь говоряхуть» следующим образом: «*Говоряхуть* не люди, а галки (*галици*) и *говорь* был не людской, а галочий (*галичь*). ...изображается звук голосов нерасчлененной массы (в данном случае птиц) – в точном соответствии с древним значением. Заметим, что в переводах практически везде дается: «Галки свою речь говорили»; но это неточный, бессознательно модернизирующий перевод: точный смысл – "Галки своей речью гомонили"» (с. 11).

Эти строгие и четкие суждения в отношении слов «говорь», «говорити», «галици» вполне реализовали бы свою научную ценность, будь они применимы к другому периоду текста, зарисовке «35. *Щекоть славій* успе, *говорь галичь* убуди». Но в интересующем нас фрагменте они обращены к автономно востребованному словосочетанию и при этом базируются не в полной мере на всех его членах: акцентируется внимание на «галици», «говорити», но пренебрегается влиянием семантического поля «рѣчь». В результате возможно деструктивное восприятие художественной образности, смысловой целостности как одного из ключевых пассажей, так и все древней Песни.

Выражение «галици свою рѣчь говоряхуть» включено в сюжетный блок о деятельности князя, чье имя вынесено в заглавие произведения «Слово... внука Ольгова», он – дед центрального героя, сын основоположника черниговской ветви Рюриковичей, инициатор и участник событий почти вековой давности по отношению к Игореву походу. Это участок текста от «57. Были вѣчи Трояни...» до «66. ...въ ты рати и въ ты плъкы...».

«Разрывая» описание второй битвы, новелла даже и на его эмоционально напряженном фоне выделяется особой концентрацией энергии чувств, переживаний, патриотических обобщений и высокой стройностью архитектоники.

Например, в ней синтаксически «навязчиво» указание на объединяющую отдаленность «тех» явлений: «58. Тый бо Олегъ..., 60. То же звонъ..., 63. Съ тоя же Каялы..., 64. Тогда при Олзѣ..., 65. Тогда по Руской земли..., 66. То было въ ты рати и въ ты плъкы...». В конце ряда это подчеркнуто оппозицией «66. ... а сицей рати не слышано...».

Весь фрагмент заключен как бы в раму речений, хронологически

⁷ Здесь и далее цит. «Слово» по: Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М., 2004. С. 336-350. В основе данного текста – вариант 1800 г. с коньектурами (о них см. подробнее с. 4, 33-34).

нь часто
 врани
 гряхуть,
 трупіа
 себе дѣляче,
 а галици
 свою
 рѣчь говоряхуть:
 хотять полетѣти
 на уедіе.

«Стихотворение» организовано так, что в нем отчетливо превалирует мотив снижения позитива в первой части (от «Тогда при Олзѣ ...» до «...человѣкомъ скратишас<я>») и нарастают явления отрицательной семантики – во второй (от «Тогда по Руской...» до «полетѣти на уедіе»). Проследим это в показательной для данного случая области называния субъектов и производимых действий:

(1)	Дажьбожа внука	погибашеть жизнь
(2)	вѣци человѣкомъ	скратишас<я>
(3)	ратаевѣ	кикахуть
(4)	врани	гряхуть
(5)	галици	рѣчь говоряхуть

Антропонимы представлены: от поэтически возвышенного солнечнородного называния славян (1) к 'человек как член общества', представитель 'народа, населения', 'человек как живое существо, обладающее мышлением и речью'⁸ (2), затем к 'пахарь, земледелец, сеятель'⁹, т.е. субъект более низкого социального статуса. Следующим звеном в этой системе нисходящих ценностей становится анимальный мир. Называние хищного ворона (психо-эмоциональное поле негатива – черноты, смерти) и более мелкой птицы – галки, также черной, поедающей остатки разложившихся существ.

При этом в параллельном правом столбце «действий» наблюдаем обратную динамику: от «погибашеть жизнь» (1) к «скратишася» – 'уменьшиться, стать короче', 'приблизиться к концу'¹⁰ (2). И дальнейшее «оживление» картины жизни в звуке: нарастание его интенсивности по громкости и членораздельности, антропологической организации звуков «кикахуть» (3), «гряхуть» (4), «рѣчь говоряхуть» (5). Первый глагол в этом ряду обозначает некое покрикивание человека, звукоподражательное птичьему, второй – образует с ним антонимичную пару по громкости, энергической наступательности (в корнях глухие – звонкие: «к», «к» – «г», «р»). Третий ('шуметь, гомонить') ошибочно было бы рассматривать в

⁸ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1984. Вып. 6. С. 147.

⁹ Там же, 1978. Вып. 5. С. 24.

¹⁰ Там же, с. 189.

изоляции от подчиненного компонента «рѣчь»- 'словесно организованного устного языкового явления'¹¹. Данное существительное акцентирует коннотацию смысловой целенаправленности, концентрирует значение сообщаемости, информационности «своей» «беседы» галок. Содержание ее – стремление лететь на покормку останками, утверждение тем подавления и собственного господства над иными формами организации жизни, в том числе и человека.

Важно отметить, что выделенные синтаксически параллельные отрезки (3, 4, 5) скреплены указанными глаголами и в качестве рифмы. Об особом свойстве средневековой рифмы как инструменте тогдашней поэтики Ю.М. Лотман писал: «Подбор ряда слов с одинаковыми флексиями воспринимался как... включение... слова в общую категорию (причастие определенного класса, существительное со значением «делатель» и т.д.), что активизировало рядом с лексическим грамматическое значение. Лексическое значение является носителем семантического разнообразия, суффиксы включают их в определенные единые семантические ряды. Происходит генерализация значения. Слово насыщается дополнительными смыслами, и рифма воспринимается как богатая»¹².

Приведенному теоретическому положению вполне соответствует по своим результатам рифменное взаимоотношение глаголов «кикахуть» – «гряхуть» – «говоряхуть». Комплексно они, бесспорно, выполняют дополнительную импульсивную роль в развертывании содержания фрагмента и обогащении его информационной насыщенностью, о которых говорилось выше.

Образно-смысловая система нарастания негативного начала, его энергетического и рационального импульса в данной поэтической картине русской ойкумены поддерживается и иными художественными условностями, отмеченными медиевистами. Так, Т.М. Николаева, безусловно, исходя из общих положений о многозначности в средневековой поэтике вводит понятие «тернарной семантики», говоря о «Слове». «Одна и та же лексическая единица (иногда – просто слово) в случае 1-м имеет значение X, в случае 2-м имеет значение Y, а в 3-м случае – как бы и X и Y одновременно», – пишет исследовательница и поясняет свою мысль актуальным для нас примером, – То есть, одном случае галки – это просто птицы галки, в другом – это обозначение половцев, а в третьем – остается неясным, то ли это галки, то ли половцы»¹³.

Конкретизируем. В «Слове» трижды употребляется существительное «галица» и один раз «галичь» в атрибутивном сочетании.

При опоре в своем прочтении на объяснительный перевод Д.С. Лихачева (хотя и не декларированный) Т.М. Николаева, полагаем, справедливо видит «птиц галок» в контекстах «34. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла. 35.

¹¹ Там же, с. 40-44.

¹² Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1995. С. 103.

¹³ Николаева Т.М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста; «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. М., 2005. С. 41.

Щекоть славій успе, говоръ галичъ убуди; ...200. А не сорокы в(с)троскоташа... 201. Тогда врани не граахуть, галици помлькоша, сорокы не троскоташа, 202. по лозию ползоша, только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ; соловіи веселыми пѣс(н)ьми свѣтъ повѣдаютъ». Имплицитное «обозначение половцев» видит в «16. Не буря соколы занесе чресъ поля широкая – галици стады бѣжать къ Дону Великому». И вариант «X и У одновременно» в актуальном фрагменте 65.

Действительно, признание половецкой «подсветки» в значении существительного «галки» для нашего случая очень уместно. Поганые общаются (сообщают, обсуждают между собой) подобно гомону, потому что на чужом, непонятном языке. Но это все же членораздельная, информационная речь, которая организует поступки, определенную деятельность сознательных существ. Коннотация «половцы» дополнительно скрепляет интенцию и художественную цельность текста. Ведь в «Слове» неоднократно и даже навязчиво повторяется как модель суждения: в результате междоусобиц половцы побеждают русских и грабят их земли. Приведем несколько примеров: «77. Усобица княземъ на почанья погыбе, рекоста бо брать брату: "се мое, а то мое же"; и начяша князи про малое "се великое" мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати. 78. А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую»; «86. А князи сами на себе крамолу коваху; 87. А поганіи сами, побѣдами наришуще на Рускую землю, емляху дань...»; «151. Вы бо своими крамолами начясте наводить поганья на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. 152. Которо<ю> бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи».

Наконец, нельзя обойти вниманием еще одно обстоятельство. А.А. Зализняк в качестве опорного текста «Слова» для своей книги избирает вариант 1800 года, но без обязательного соблюдения принятых там словоделения, заглавных букв и пунктуации (с. 4, 33-34). Ученый конкретизирует свой принцип публикации: Мы ориентируемся ... на максимальное приближение к первому изданию во всех случаях, где это не приносит явного ущерба пониманию текста. В отличие от буквенного состава... знаки препинания не следуют за первым изданием... Может несколько отклоняться от нынешних правил также пунктуация. Заметим, что выбор знака препинания для разделения предложений (точка, тире, двоеточие, точка с запятой или запятая) в значительной мере субъективен (равно как выбор между точкой и восклицательным знаком), поэтому расхождениям между разными комментаторами в этом вопросе не следует придавать большого значения (подчеркнуто нами – Л.З.). Заявленное позволяет предположить, что перемена знаков в словосочетании «галици свою рѣчь говоряхуть, хотят полетѣти на уедіе»¹⁴ 1800 года при наиболее авторитетном варианте в «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"» «говоряхуть, хотять...»¹⁵

¹⁴ Слово о полку Игореве: Сборник. Л., 1985. С. 6.

¹⁵ Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб, 1995. Т. 1. С. 10.

на двоеточие субъективно импонировала ученому. И это двоеточие, подчеркнуто указывающее на раскрытие содержания, смысла «говоримой» «речи» восстанавливало «ущерб» пониманию текста, когда он представлен был с запятой. Очевидно, что А.А. Зализняк, производя/принимая замену, подразумевал здесь присутствие большей насыщенности антропологической, речевой информацией, чем в шуме, гононе.

Таким образом, все рассмотренное семантическое поле повествования, эстетическая система взаимосвязи образов недвусмысленно иницируют в данном случае именно оттенок 'dicere' у глагола «говорити». То его значение в «Слове», которое, предположительно, из авторского, окказионального в художественном произведении найдет дальнейшее развитие, распространение и отразится в Новгородской грамоте № 968 XIII – XIV веков. И в этом случае перевод «свою речь говорили» отражает современное достаточно совершенное проникновение в систему художественно-выразительных средств памятника.

Своеобразной проверкой состоятельности предложенного нами толкования могут стать переводы данного фрагмента, выполненные авторитетными медиевистами, мастерами поэтических сочинений. И хотя А.А. Зализняк не стремился принимать в расчет такого рода сопоставлений, но все же и не отрицал совершенно их результативности. В цитируемой книге по отношению к сходной ситуации он отмечал: «При написании настоящей статьи устрашающего объема труд по проверке обсуждаемых мест по сотням различных переводов СПИ нами не проделывался; мы полагаемся в этом отношении на существующие обзоры (хотя и сознаем, что гарантии полноты это не дает» (с 180). Принципиально то же суммарно констатируется в рассматриваемой статье 2009 года: «... в переводах практически везде дается: «Галки свою речь говорили»; но это неточный, бессознательно модернизирующий перевод» (с. 11). Приведенный вариант дается, вероятно, по публикациям Д.С. Лихачева, действительно тиражированным. В объяснительном виде он представлен так: «Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали (на лошадей, распахивая землю), но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу»¹⁶. Но указанная позиция далеко не исчерпывает многообразия сложившейся ситуации. Например, в серии переводов, тяготеющих к первопечатному «...и в Русской земле редко веселие земледельцев раздавалося, но часто каркали вороны, деля между собою трупы; галки же, отлетая на место покормки, перекликались»¹⁷ (подчеркнуто нами – Л.З.) тщетно искать богатую, четко сложенную изобразительную и звуковую картину оригинала. Отчасти это объясняется затруднением понимания «кикахуть». У В.В. Капниста (1813) читаем: «Тогда по русской земле редко пахари **веселились**, но часто вороны каркали, трупы между себя разделяя. Галки

¹⁶ Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве»: Историко-литературный очерк. М., 1982. С. 60 и др. публикации.

¹⁷ Слово о полку Игореве: Сборник. Л., 1985. С. 15.

перекликались, желая летать на покормку». И в примечаниях В.В. Капниста: «Глагол **кикахуть** кажется тоже самое что хохочут»¹⁸.

Также сентиментально-романтически представлено поведение поселянина-пахаря у В.А. Жуковского (1817), но нельзя не отметить психоэмоциональную стройность его стиха, последовательное нарастание маргинального начала: оратаи распевали – граяли враны – трупы – добыча.

Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,

Но часто граяли враны,

Трупы деля меж собою;

А галки речь свою говорили:

Хотим полететь на добычу!¹⁹

Очевидно ощущая взаимосвязь лексических единиц ратаевѣ – врани – галици, кикахуть – граяхуть – рѣчь говоряхуть, а также рациональный алогизм компонентов этих цепочек, Я.О.Пожарский (1819) как бы «упорядочивает» повествование в своем переводе. «Земледелец» под его пером наделяется «гласом», «галки» – «криком», причем последний они «распространяли», т.е. издавали нарастающе обильно, совокупно-нерасчлененно наполняли им окружающее пространство. Значит, издавали звуки противоположные речи по своим доминирующим характеристикам: «...рѣдко слышалъ былъ гласъ земледѣльцовъ, но часто враны каркали дѣля между собою трупы; а галки, желая летѣть на кормъ, распространяли крикъ свой»²⁰.

Для нас важно, что рациональная «корректировка» Пожарского не есть следствие индифферентности или простой небрежности, она проведена осознанно и последовательно-завершенно как реакция перелagателя на импульсы древнего текста.

Не менее отчетливо была воспринята эстетическая организации фрагмента и Г.П. Павским. Но в данном случае авторитетнейший переводчик многих древностей не только сохранил в своей идентификации означенную образную взаимосвязь, но даже несколько «педалировал» ее:

Тогда рѣдко по Русской землѣ

гайкали оратаи,

и часто каркали вóроны,

дѣля по себѣ трупы.

И галки свою рѣчь говорили,

думая летѣть на кормъ²¹.

Любопытно отметить, что Павский избегает глагольной рифмы оригинала, меняя порядок слов. Объединяющую функцию у него выполняет двукратный союз «и», который своей многозначностью вполне «поглощает»

¹⁸ Бабкин Д.С. «Слово о полку Игореве» в переводе В.В. Капниста // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 337, 369.

¹⁹ Слово о полку Игореве: Сборник. Л., 1985. С. 77.

²⁰ Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣчаній. Санктпетербургъ, 1819. С. 12-13.

²¹ Русская старина. Т. XXVIII. СПб., 1880. С. 490.

«нъ», «а». В общей же картине при этом смягчается антагонизм компонентов, она становится более суммарно-единой. Хлебопашец предстает существом родственно близким природе и в кругу других представителей ее фауны. Отмеченную же выше поляризацию субъектов и действий, девальвацию антропологического начала «Слова» дополнительно подчеркивает, употребляя глагол «думать» по отношению к галкам.

Поэтому полагаю, что при более объемном изучении текста «Слова», и даже ближайшем выходе за семантические рамки сочетания «галици свою рѣчь говоряхуть» проявляется художественная неоправданность и нежелательность перевода глагола – «гомонить». Предпочтительнее употреблять именно «говорить».

Иной сложилась картина в относительно молодой 90-летней белорусской словиане. Важнейшие черты описанной выше поэтической системы (нарастание антропологических коннотаций субъекта действия, кретивно-интеллектуального начала в самом действии, общая негативная направленность изменения жизненной ситуации, половецкая «подсветка» в лексеме «галици») здесь неизменно реализовались чрезвычайно выразительно.

В купаловском стихотворном переводе: «Рэдка пеў араатай за сахою... / А на ежу ляцелі²² збіраючыся, / Галкі гоман заводзілі й гулі»²³. Е. Крупенько: «у тыя сумныя часы, / калі ў паміжусобных войнах / на землях ураджайных вольных / не красавалі каласы... / а галкі, гледзячы здаля, / вялі гамонкі з пахвальбою, што будуць і яны з ядою»²⁴. І. Чыгрынаў: «рэдка араатаі голас свой падавалі..., а галкі сваё гаварылі»²⁵. Р. Бородулин: «...пераклікаліся рэдка ратаі... / а галкі сваё гаварылі зычна»²⁶ (Подчеркнуто нами – Л.З.).

Означенная интенция проявилась, например, и в том, что в переводах М. Горецкого древнерусскому «на уедіе» соответствует «на пажыву»²⁷, а в позднейших модификациях наблюдаем коррелят «на здабычу» (Р. Бородулин²⁸, В. Дарашкевич²⁹, В. Каяла³⁰), который содержит более резкий и активный отрицательно оценочный аспект. Последнее отчетливо «работает» на сопряжение «галици» → «галки»+«половцы».

Показательно в этом отношении сопоставить также тексты М. Горецкого 1922 и 1925 годов. Первоначально картина «Тогда по русьской землі рэд'ко ратаеве кыхахуть, н' часто врані граяхуть, хотять полететі на уедіе» – «Тады па рускай зямлі рэдка паялі араатаі, а часта каркалі груканы, хацеўшы ляцець

²² Как сообщила автору этих строк зав. отделом изданий и текстологии НАН Т.С. Голуб 28.05.2010: «Допущена друкарская памылка. Трэба "ляцеці"».

²³ *Купала Я.* Поўны збор твораў. Мінск, 1997. Т. 4. С. 217.

²⁴ Крыніца. 1994. № 10. С. 11.

²⁵ Спадчына. 1991. № 6. С. 106.

²⁶ Слова пра паход Ігаравы. Мінск, 1985. С. 137.

²⁷ Хрэстаматыя беларускае літаратуры: XI век – 1905 год. Вільня, 1922. С. 14. Выпісы з беларускай літаратуры. М.; Л., 1925. С. 179.

²⁸ Слова пра паход Ігаравы. Мінск, 1985. С. 137.

²⁹ Вечна живое «Слова». Мінск, 1989. С. 153.

³⁰ Стараяжытная літаратура ўсходніх славян XI – XIII стагоддзяў. Хрэстаматыя. Гродна, 2004. С. 163.

на пажыву»³¹ более привлекала благодаря своей лапидарности, чем вариант 1800 года. Лаконизм анагонистической многозначной параллели «аратаі» – «груганы», «пялі» – «каркалі», «рэдка» – «часта», сеяние – «пажыва», перспектива, надежда – гибель представлялся самодостаточным и исчерпывающим ситуацию.

Затем лакуна «трупіа себе деляче, а галіціі сваю размову хуть» – «трупы міжсобку дзялячы, ды галіцы сваю размову вялі»³² была устранена, описание обогатилось третьим субъектом действия и новыми ремами. Они предельно приближали функцию «галиц» к рационально организованной («сваю размову вялі, рыхтуючыся...»³³ и тем самым делали наступательно, угрожающе противостоящей единично-разрозненному «пакрыкванню аратаёў»³⁴. (Сравним: в 1922 г. – «пялі аратаі»³⁵. Это единственный случай в белорусском комплексе переводов памятника, когда в отношении галок употреблено выражение, семантически подчеркнуто приближенное к человеко-действию: «... ды галіцы сваю размову вялі, рыхтуючыся ляцець на пажыву»³⁶. Благодаря инверсии и указанию цели действия вспомогательный глагол «весці» не ослабляет своего волевого, побуждающего, значения. Этому же способствует и корреляция «р^ѣчь» – «размова».

Типичным для наших литераторов все же станет использование здесь лексем и оборотов, содержание которых на рубеже значений 'гомон', 'шум', 'гул' – 'беседа', 'разговор'. Видимо, наиболее оптимальных и уместных здесь. Я. Купала, 1919 и 1921 г.: «гоман заводзілі»³⁷, Е. Крупенька: «вялі гамонкі»³⁸, В. Дарашкевич: «Гоман заводзілі свой»³⁹, В. Каяла: «свой гоман заводзілі»⁴⁰. Писатели и в стилистическом плане, используя разговорные слова и обороты, реализовали здесь свое разумение заключенной в графеме «галици» некоей обобщенно-персонифицированной антирусской силы. Немаловажным в связи с этим будет напомнить, что широко известные сегодня научные положения по этому поводу (Д. Лихачев, Т. Николаева, А. Зализняк и др.) сформировались в русском слововедении значительно позже подавляющего большинства данных переводов.

Креативные истоки отчетливой национальной традиции, в известной мере даже школы перевоплощений древнего памятника, полагаем, надлежит видеть в мощном компоненте мифопоэтического восприятия мира, которым сильна белорусская литература. В ней человек как художественный персонаж пребывает не столько на фоне и среди природы, но в самой природе в качестве ее составляющей и взаимосвязанной части. Человек и природа столь близки,

³¹ Хрэстаматыя беларускае літаратуры: XI век – 1905 год. Вільня, 1922. С. 14.

³² Выпісы з беларускай літаратуры. М.; Л., 1925. С. 179.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Хрэстаматыя беларускае літаратуры: XI век – 1905 год. Вільня, 1922. С. 14.

³⁶ Выпісы з беларускай літаратуры. М.; Л., 1925. С. 179.

³⁷ Купала Я. Поўны збор твораў. Мінск, 1997. Т. 4. С. 217.

³⁸ Крыніца. 1994. № 10. С. 11.

³⁹ Вечна живое “Слова”. Мінск, 1989. С. 153.

⁴⁰ Старажытная літаратура ўсходніх славян XI – XIII стагоддзяў. Хрэстаматыя. Гродна, 2004. С. 163.

что будто бы перетекают одно в другое. При этом надо подчеркнуть, что это касается, как правило, только родной природы и ее атрибутов.

В прямой связи с данными положениями любопытно отметить в белорусских переводах и следующие показатели. Тот фрагмент древнего текста, где «галици» как антоним «соколы» представлен значением 'половцы' был безошибочно «угадан» М. Горецким («стая галак бяжыць»)⁴¹, «галіцы грудам бягуць»⁴² и позднее «закреплен» Р. Бородулиным («чароды галак спуджана ўцякаюць»)⁴³ (Подчеркнуто намі – Л.З.).

При этом же в сцене бегства Игоря из плена («201. Тогда врани не граахуть, галици помлькоша, сорокы не троскоташа, 202. ... дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ; словіи веселыми пѣс(н)ьми свѣтъ повѣдаютъ»), где господствуют пернатые, безоговорочно приняли прочтение галки – 'птицы'. И более того, развили его в известной мере смыслооправданной «орнитологической новацией». В трех переводах (т.е. 30% от общего числа) «врани» имеют эквивалент «вароны». У Е. Крупенько – «І заціхлі сарокі / і вароны маўчаць»⁴⁴, И. Чигринова – «Вароны таксама перасталі каркаць, галкі змоўклі»⁴⁵, В. Каялы – «Тады вароны не граялі, галкі прымоўклі»⁴⁶.

Поводом для этого мог стать перевод первых издателей «вороны не каркали», прочитанный глазами носителя белорусского языка и а-канья в отличие от русского о-канья. А своеобразными катализаторами – публикации русских переводов, где сам знак ударения «вóроны» выделял графему, инициировал прецедент отступления от традиционного толкования. Что в свою очередь было связано с публикацией в особенности во второй половине XX века серии работ по реконструкции звучания текста «Слова». В некоторых из них В.И. Стеллецкий, В.В. Колесов, I. Haney (США) специально рассматривался данный фрагмент

Суммарно все это резонировало с устойчивым повышенным интересом к устной сфере национальной культуры: фольклору, разговорной диалектной речи. И тем самым к профанной стороне жизни, обыденно-сниженному восприятию содержания образов. «Ворóна» здесь стала своего рода «вульгаризацией» гругана (вóрона). Ее карканье, по народным поверьям, - предзнаменование негатива для всякого, кто отправляется в путь. Т.е. ситуация как бы невзначай проецировалась литераторами-переводчиками на поступки князя Игоря, который возвращался на Родину после своевольного военного предприятия, поражения, плена (в сознании читательской аудитории Белоруссии сигнальные показатели!). Отмеченные выше характеристики в переводах «Слова», полагаем, можно расценивать как их национальное своеобразие. И потому приходится лишь сожалеть, что эта важная проблема разработана столь недостаточно.

⁴¹ Хрэстаматыя беларускае літаратуры: XI век – 1905 год. Вільня, 1922. С. 14.

⁴² Выпісы з беларускай літаратуры. М.; Л., 1925. С. 179.

⁴³ Слова пра паход Ігаравы. Мінск, 1985. С. 137.

⁴⁴ Крыніца. 1994. № 10. С. 28.

⁴⁵ Спадчына. 1991. № 6. С. 110.

⁴⁶ Старажытная літаратура ўсходніх славян XI – XIII стагоддзяў. Хрэстаматыя. Гродна, 2004. С. 173.